

Актриса Иркутского областного драматического театра, народная артистка РСФСР Галина Алексеевна Крамова Указом Президиума Верховного Совета СССР награждена орденом Трудового Красного Знамени.

женственности, которая исходила от девушки. Вероника кончила. В синих глазах сверкали слезы. Галине Алексеевне показалось, будто она всегда знала эту взволнованную, тоненькую с большими пшеничными косами девушку. Как это горько, что она картавит. Актриса ласково протянула к себе Веронику и все же осторожно попыталась заговорить с ней об этом серьезном препятствии — с таким дефектом речи разве можно думать о сцене?

— Я выучусь, вы увидите, я непременно выучусь, я буду много трудиться — в синих глазах было столько отчаянной решимости, столько веры и страсти, что Галине Алексеевне показалось совершенно невозможным отказать девушке.

— Ну, что ж, тогда будем готовиться к поступлению в студию, — сказала она просиявшей Веронике.

А когда же к ней самой пришла эта страсть, ставшая теперь ее жизнью, ее судьбой? Может быть, в те захватывающие вечера, когда она вместе с подружками-гимназистками, облепившими галерею театра, до красноты отхлопывала ладошки, до хрипоты надрывала горло, вызывая любимые имена... А потом, выйдя из театра, спрятавшись в тень, они поджидали любимую актрису, провожали ее восторженными глазами, не смея подойти к ней. Может это пришло тогда, когда первая ученица первой женской гимназии одиннадцатилетняя Галина Крамова драматично прочла Никитинского «Старого слугу» и это чтение настолько потрясло всех, что высшее начальство запретило его — нельзя читать столь свободолобивые вирши. Может быть, может быть...

А годы шли. Трудные годы... 1917, 1918, 1919.

Нелегко было найти себя, свое место в жизни этих лет совсем растерявшейся недавней выпускнице гимназии Гале Крамовой. Нелегко было жить... И кто знает, может быть, именно поэтому так полюбился драматический кружок «Окраина», созданный в Маратовском предместье. Спектакли кружковцев шли с необыкновенным успехом. Тяга рабочей окраины к театру была колоссальной.

Верно, это желание посвятить себя сцене неожиданно пришло к ней в волнующий день ее бенефиса в первом профессиональном народном театре в Маратовском Рабочем дворце: Терпко пахло смолистыми кедровыми лапами, стоявшими в кувшине. Ведь их не было здесь, когда она уходила на сцену. В сознании проносятся и тотчас же гаснет — кто? — Она слышит ровный гул, вдруг разрешающийся плеском аплодисментов, потом снова гул и снова разлив — настойчивый, требовательный. — Нужно идти, еще на поклон, еще... — У нее кружится голова от благодарности к людям, от счастья, от этого терпкого аромата хвои... от усталости, вдруг нахлынувшей на нее. Но едва она вышла на лестницу, как десятки рук подхватили и понесли ее, юную, пленительную, немножко испуганную и едва не плачущую от счастья.

Да, тогда и пришло к ней ее призвание: Значит, она может «сеять разумное, доброе, вечное»...

Люди дают актеру уверенность в том, что он нужен им, а значит, и театру. Люди судят о его таланте, заражаются его волнением, поддаются обаянию мастерства. Сколько раз они вдохновляли своей верой, своей любовью Галину Алексеевну Крамову!

Разные бывают обстоятельства в

борьбу с фашизмом. Мысленно актриса додумывает дальнейшую судьбу своей замечательной героини и видит ее на трибуне Всемирного конгресса борцов за мир. Она любит одних своих героев и им отдает свою любовь, ненавидит других и беспощадно разоблачает их, призывая на помощь все свое мастерство.

И когда Галина Алексеевна всматривается в напряженную тишину зрительного зала, она чувствует те незримые нити, что соединяют ее, актрису, с тысячами открытых ей в этот миг сердец.

...Вероника Шастина глубже села в мягкое плюшевое кресло...

...Вот она Ловийса, старшая хозяйка Нискавуори. — Тяжело опершись на палку, задумалась она о судьбе своих детей, о прожитой нелегкой жизни. Умные глаза смотрят горько, будто укоряют кого-то. Она говорит, и в голосе сильно, властно нет-нет и проскользнет усталость. Скажет жесткое слово Илоне, а взгляд ласковый, добрый скользнет, словно спрячется.

Уже давно растворилось внимание Вероники. Актриса увлекла актрису. Это случается только в те чудесные мгновения, когда счастливо соединяются мастерство и вдохновение.

Вероника смотрит на Галину Алексеевну и словно заново переживает свой приход к любимой актрисе, к первой наставнице, которой она обязана обретенной мечтой. А потом присоединяется к аплодирующему залу. И хлопает, хлопает до раскрасневшихся ладоней.

Н. КАСЬЯНОВА.

Старик, волнуясь, комкал краешек темной, тяжелой камчатной скатерти и неторопливо, с большими паузами, в которых он вздыхал глубоко, словно ему не хватало воздуха, рассказывал о своей внучке. Он поднимал на Галину Алексеевну застенчивые, совсем юные, доверчивые глаза и тогда седые волосы его, маленькая окладистая бородка словно светились — мягко и прозрачно. — Да, да родители совсем, совсем против... Но ему сдается, что у Вероники, его любимицы, талант... Девчушка уж извелась вся...

На следующий день Галина Алексеевна постаралась остаться одна. Так девочка будет лучше чувствовать. Чудесный, весь какой-то серебристый старичок растрогал ее. И сегодня она еще вся во власти этого впечатления. Неотвязно преследует желание поскорее увидеть ту, ради которой этот старый, милый человек пришел к незнакомой женщине, в незнакомый дом, просить не совета, нет, — решения судьбы. Что движет тягой девочки к театру? Может быть, она похожа на тех двух хороших девочек, что позавчера зашли к ней за кулисы после спектакля и с любопытством разглядывали ее. Нет, они ничего не могли прочесть ей: послезавтра экзамен в студию, так они что-нибудь выучат.

Галина Алексеевна взглянула в глаза обним... и не увидела, не почувствовала в них трепета перед театром, перед призыванием, в которое не верили, о котором так легко судили эти смазливые девочки. Маленьким, шемющим комком захлестнула обида. Кажется, она даже поблелела. А им, бездумным, только грустно, тихо ответила: «Нет, вы не любите театр, я не советую вам быть актрисами»...

Короткий стук в дверь вернул Галину Алексеевну к действительности.

— Войдите, — позвала Галина Алексеевна.

И в комнату нерешительно вошла Вероника. Что это была именно она, Галина Алексеевна угадала каким-то шестым чувством. Ну, конечно же, эта юная, похожая на светлую былинку, девчушка с огромными синими глазами — непременно и есть та Вероника Шастина, о которой говорил вчера Галине Алексеевне старичок. Она усадила, тепло заговорила с поминутно краснеющей девушкой, и та вдруг облегченно, открыто доверчиво улыбнулась ей. Но едва Вероника заговорила, как Галину Алексеевну, уже подавленную обаянием этого славного существа, обожгло открытие: Вероника картавила.

Девочка читала ей Пушкина... «...Как ныне збирается веший

Олег

Отмстить неазумным хазаам...»

И столько было во всем ее облике непосредственности, столько искреннего горячего чувства, что Галина Алексеевна снова почувствовала себя во власти ее обаяния, необыкновенной